

ее роль в достижении целей наказания // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 2. С. 46–49; Красиков В. С. Классификация и размещение осужденных по видам режимов исправительных учреждений // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Белоруссии. Рязань, 2004.

¹⁵ См.: Ушатиков А. И., Казак Б. В. Пенитенциарная психология : учеб. Рязань, 2003. С. 275.

2009. № 2. С. 46–49; Krasikov V. S. Klassifikacija i razmeshhenie osuzhdennyh po vidam rezhimov ispravitel'nyh uchrezhdenij // Penitenciarnyj opyt Anglii i vozmozhnosti ego realizacii v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii i Belorussii. Rjazan', 2004.

¹⁵ Sm.: Ushatikov A. I., Kazak B. V. Penitencijarnaja psihologija : ucheb. Rjazan', 2003. S. 275.

УДК 343.82

О протестных действиях заключенных при организации их труда в предвоенные годы (1937 г. – июнь 1941 г.)

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье анализируются формы и способы организации труда заключенных в предвоенное время, методы воздействия на них для повышения производительности труда, дается характеристика осужденных по различным критериям, влияющим на качество их работы, отмечаются причины, последствия протестных действий заключенных и меры, принимаемые для их нейтрализации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лишение свободы; исправительно-трудовые лагеря; труд заключенных; протестные действия заключенных; побег; уклонение от труда.

On the protest actions of convicts in organizing their work in the pre-war years (1937 - June 1941)

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Russian and Foreign Experience, the History of the Penal System, Comparative Analysis of Penal Legislation of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

The article analyzes the forms and methods of organizing convicts' labor in the prewar period, the methods of influencing them to increase labor productivity, describes the characteristics of convicts on various criteria that affect the quality of their work, it notes the causes, the consequences of protest actions of convicts and the measures taken to neutralize them.

Key words : liberty deprivation; correctional-labor camps; work of convicts; protest actions of prisoners; the escape; evasion of work.

В 1937 г. в составе третьих отделов при управлении исправительно-трудовых лагерей, выполнявших функции государственной безопасности в пределах лагерей, были созданы специализированные отде-

ления по борьбе с побегами. На них возлагались агентурная работа по выявлению и предотвращению готовящихся побегов, организация оперпунктов на железнодорожных станциях и в населенных пунктах,

примыкающих к лагерю, а также необходимых мер по преследованию и поимке беглецов в районе расположения лагеря и ведение следствия по делам о побегах¹.

Несмотря на предпринятые меры, существенно повлиять на побеговую активность заключенных ГУЛАГу не удалось. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1934 г. совершили побег 83 490 чел., в 1935 г. – 67 493, в 1936 г. – 59 313, в 1937 г. – 58 264. Видимая тенденция к снижению количества побегов при общем росте численности заключенных в лагерях и колониях в эти годы была достигнута за счет увеличения численности военизированной охраны мест лишения свободы и перевода части контингента в охраняемые лагерные зоны².

Поворот в карательной политике по отношению к отдельным категориям лиц, отбывавших уголовное наказание в виде лишения свободы, прослеживается в направленной в адрес руководителей исправительно-трудовых лагерей в 1937 г. телеграмме № 37044, в соответствии с которой аннулировались начисленные заключенным зачеты рабочих дней в срок отбытого наказания за все время пребывания в лагере, если они были осуждены за измену Родине, шпионаж, диверсии, военный шпионаж. Эта норма также распространялась на иностранных подданных, осужденных за контрреволюционные преступления, бывших членов антисоветских групп, руководителей контрреволюционных групп и организаций³.

Исследованные нами многочисленные архивные документы в определенной степени подтверждают суждение А. И. Солженицына о том, что «ни один гражданин Российского государства, когда-либо вступивший в иную партию (кадетов, эсеров и т. д.), не в большевики, уже судьбы своей не избежал, он был обречен»⁴.

Наиболее четко линия на ужесточение наказания проявилась после обращения руководства НКВД СССР в Президиум Верховного Совета СССР с предложением освободить досрочно заключенных лагерей железнодорожного строительства на Дальнем Востоке, отличившихся на прокладке вторых путей от станции Каринская до Хабаровска, и подготовить проект указа. Это предложение 25 августа 1938 г. рассматривалось на заседании Президиума Верховного Совета СССР в присутствии И. В. Сталина, который четко обозначил свою точку зрения по данному вопросу, выступив против досрочного освобождения заключенных. Вместе с тем он в качестве альтернативы поставил задачу

найти какую-нибудь иную форму оценки их работы – награды и т. д.

По мнению И. В. Сталина, интересы государственного строительства и борьбы с рецидивной преступностью требуют того, чтобы эти заключенные оставались на работе в лагерях.

Свою точку зрения он сформулировал следующим образом: «Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться... Может быть... досрочно их сделать свободными от наказания с тем, чтобы они оставались на строительстве как вольнонаемные... поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте... Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько... Это, как у нас говорилось... добровольно-принудительное оставление»⁵.

С мнением И. В. Сталина приходилось считаться, поэтому Л. П. Берия подписал приказ о награждении четырех заключенных медалями «За трудовое отличие» с освобождением от дальнейшего наказания. Этим же приказом выделялся миллион рублей для поощрения 4300 заключенных Амургулага (2000 чел.), Южлага (800 чел.), Кандалакши-Куолярви ИТЛ (1500 чел.). Решением Особого совещания при НКВД СССР 50 заключенных досрочно освобождались от наказания и сокращался срок 100 заключенным⁶.

Судя по содержанию приказа, руководство НКВД СССР не устраивало предлагаемое И. В. Сталиным досрочное освобождение заключенных с оставлением на строительстве в качестве вольнонаемных работников и снятием судимости. Решение важнейших хозяйственных задач, возложенных на ГУЛАГ, требовало мобильной переброски рабочей силы на новые объекты.

Августовское обсуждение проблемы, связанной с досрочным освобождением заключенных, побудило руководство ГУЛАГа НКВД СССР по собственной инициативе принять меры, исключающие возможность досрочного освобождения от наказания для отдельных категорий заключенных. Непосредственным поводом к этому, несомненно, послужил доклад начальника лагерей железнодорожного строительства о безобразиях с зачетами, в результате чего сроки заключения сокращались в полтора-два раза⁷. Уже 9 сентября 1938 г. была издана

директива⁸, изменившая существовавший ранее порядок зачета рабочих дней заключенным в срок отбытого наказания. Суть этих изменений сводилась к следующему:

Испытательный срок по зачету рабочих дней для вновь прибывших отменялся, зачеты следовало начислять с момента прибытия. Деление на группы зачетов по признакам социального положения отменялось. Отнесение к группе по зачету ставилось в зависимость от характера совершенного преступления. Зачет не мог производиться отнесенным к третьей группе – осужденным за измену Родине, терроризм, троцкистам, членам контрреволюционных организаций.

К первой группе по зачету относились все осужденные, лишённые свободы, если они не относились ко второй или третьей группам. Ко второй группе по зачету относились осужденные по закону от 07.08.1932 г. за бандитизм и разбой, а также за контрреволюционную деятельность, если по характеру совершенного преступления они не попадали в перечень, являющийся основанием для отнесения к третьей группе.

Отнесенные к третьей группе лишались начисленных зачетов рабочих дней за весь срок пребывания в лагерях, но об этом заключенные не ставились в известность. Чтобы не вызывать подозрений у осужденных, в карту зачета рабочих дней продолжали вноситься производственные показатели и воспитательные характеристики, но начисление зачетов не производилось.

ГУЛАГом устанавливался определенный порядок зачета рабочих дней и направления ходатайств о помиловании содержащимся в лагерях заключенным, осужденным судебными тройками УНКВД и взятым на учет в порядке директивы № В/1158901. Впредь до особого указания ГУЛАГа, как указывалось в п. 1 директивы, зачет рабочих дней данной категории заключенных не мог производиться. Хотя в примечании к этому пункту указывалось, что при наличии особо выдающихся производственных показателей, примерном поведении и строгом соблюдении лагерного режима, только в отношении осужденных судебными тройками НКВД – кулацкого и уголовного элемента, может быть (в порядке исключения) персонально произведен зачет рабочих дней лично начальником лагеря по особому ходатайству начальника отделения.

Администрация лагерей обязывалась разъяснить всем заключенным, взятым на учет по директиве № В/1158901, что их заявления об условно-досрочном освобождении

по болезни, инвалидности, отбытии половины срока наказания, а также ходатайства о пересмотре дела рассматриваться не будут. Смягчить свою участь они могли только посредством обращения с заявлением о помиловании, которое подлежало направлению в установленном порядке в Комиссию частных амнистий и Президиум Верховного Совета СССР. При этом руководителям лагерей категорически запрещалось поддерживать все без исключения ходатайства осужденных.

Что касается жалоб и заявлений в адрес партийных и правительственных органов, членов правительства, народного комиссара внутренних дел и его заместителей, а также в органы прокуратуры, то от указанных категорий заключенных они принимались без ограничения.

Понимая, что такие жесткие меры вызовут недовольство, руководство ГУЛАГа стремилось пресечь неизбежную побеговую активность заключенных как одну из форм протеста. В частности, 28 сентября 1938 г. начальник Карагандинского ИТЛ издал приказ № 0042, в соответствии с которым немедленному законвоированию подлежали следующие категории заключенных: осужденные за шпионаж, террор, взятые на учет по директиве № В/1158901, все иностранные подданные, осужденные за бандитизм и вооруженный разбой, отбывавшие срок в штрафном изоляторе, получившие вторую судимость в лагере, все склонные к побегу, отказчики от работы и разложившиеся⁹.

Необходимо отметить, что до 1939 г. в ГУЛАГе НКВД не было инструкции по режиму содержания заключенных и многие вопросы (предоставления свиданий заключенным, дисциплинарная и поощрительная практика и т. п.) решались посредством локального нормотворчества на уровне лагерей. Такое положение являлось следствием отсутствия единого руководства местами лишения свободы. Фактически до 1939 г. в исправительно-трудовых лагерях царило двоевластие, так как руководители третьих отделов непосредственно подчинялись УНКВД республик, краев и областей и не подчинялись начальникам лагерей. В 1939 г. было организовано Управление охраны ГУЛАГа НКВД, которое в сжатые сроки разработало принципиально важные правовые акты (Временное положение по службе военизированной охраны лагерей НКВД от 25.06.1939 г., Инструкцию по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР от 02.08.1939 г. и др.), реализа-

ция которых позволила существенно улучшить работу по охране и режиму в местах лишения свободы. Увеличение заработной платы командному и рядовому составу позволило в основном решить проблему охраны заключенных. Вследствие этого более чем в два раза снизилось количество побегов заключенных по сравнению с 1938 г. и увеличился процент количества задержания беглецов. Если в 1938 г. из лагерей бежали 31 322 заключенных, то в 1939 г. уже 12 250, включая пользовавшихся правом бесконвойного передвижения (4030 чел.)¹⁰.

Президиум Верховного Совета СССР 15 июня 1939 г. издал указ «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР». Этим правовым актом отменялась ранее сложившаяся система досрочного освобождения в отношении всех категорий осужденных, отбывавших наказание в исправительно-трудовых лагерях, и теперь они должны были полностью отбывать установленный судом или внесудебными органами срок уголовного наказания. По всей видимости, при подготовке проекта указа из поля зрения составителей выпали исправительно-трудовые колонии и тюрьмы, поэтому 20 июня 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТК и тюрьмах НКВД СССР»¹¹. Соответственно органам суда и прокуратуры предписывалось прекратить рассмотрение дел по условно-досрочному освобождению из лагерей, колоний и тюрем, а Наркомату внутренних дел прекратить применение практики зачета одного рабочего дня за два дня срока отбытия наказания.

Отмену зачетов надо было как-то обосновать, хотя бы с формальной точки зрения, поэтому в указе говорилось: «Правительство СССР поставило перед НКВД и Управлением лагерей задачу максимального использования лагерной рабочей силы на строительстве важнейших объектов. Вместе с тем существующая в лагерях практика досрочного освобождения на основании зачета рабочих дней приводит к тому, что во многих случаях они фактически отбывают половину или одну треть срока наказания. Такая практика сводит на нет значение исправительно-трудовых мер и не способствует правильной организации труда в лагерях и полному использованию рабочей силы».

В качестве своеобразной компенсации за отмену досрочного освобождения указами

предусматривалось установить улучшенное снабжение и питание хороших производителей, дающих высокие показатели труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения. Фактически ничего принципиально нового не вводилось, так как названные стимулы широко применялись в практике лагерей и колоний.

Понимая, что отмена досрочного освобождения из лагерей вызовет протест со стороны заключенных, законодатель как бы оставлял надежду отдельным заключенным, отличникам производства, имеющим за длительное время пребывания в лагерях и высокие показатели в труде, на условно-досрочное освобождение решением коллегии НКВД СССР или Особого совещания НКВД СССР по особому ходатайству начальника лагеря и начальника политотдела лагеря.

В то же время по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства следовало применять суровые меры принуждения: усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия и другие меры дисциплинарного воздействия. К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства следовало применять еще более суровые судебные меры наказания, в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно¹².

Приказ НКВД СССР от 15.06.1939 г. № 0168 «О прекращении практики зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения» встретил резкое сопротивление со стороны заключенных, которое выражалось:

- а) в увеличении количества побегов;
- б) проявлении сознательного саботажа на производстве с целью срыва выполнения норм выработки;
- в) организации эксцессов и неподчинении распоряжениям администрации.

Отсутствие перспективы досрочного освобождения администрация лагерей и колоний пыталась компенсировать улучшением материально-бытовых условий содержания и предоставлением льгот. Однако основную массу заключенных эти меры не устраивали. Чтобы сломить их сопротивление, администрации на местах специальным циркуляром¹³ предлагалось в течение десяти дней после его получения выявить: наиболее злостных отказчиков и сознательно не выполняющих нормы выработки заключенных; организаторов групповых побегов и эксцессов; ведущих злостную агитацию

за срыв производственных заданий; прочих дезорганизаторов лагерной жизни и производства.

Заклученных, изобличенных в указанных преступлениях, в строгом соответствии с УПК РСФСР и приказом НКВД СССР 1938 г. № 00762 немедленно следовало арестовывать и предавать суду.

После издания приказа № 0168 активизировались репрессии против «саботажников» и «отказчиков». По требованию руководства ГУЛАГа судебные приговоры, в том числе и с применением высшей меры наказания, объявлялись заключенным¹⁴. При этом они предупреждались, что за саботаж, дезорганизацию производства, злостный отказ от работы, умышленное членовредительство будут привлекаться к уголовной ответственности не только непосредственно виновные, но и лица, склоняющие других заключенных на эти преступления.

Однако, несмотря на усиление борьбы с отказниками, число отказов от работ продолжало оставаться большим. Если в первом полугодии оно составило 1 792 166 человеко-дней, то в третьем квартале снизилось лишь на 36 %. В приказе по ГУЛАГу от 05.11.1939 г. № 399 отмечалось, что медленное снижение количества отказов от работы объясняется, с одной стороны, недостаточностью борьбы с действительными отказчиками от работ, лодырями, симулянтами и дезорганизаторами производства, с другой – фактами огульного зачисления в число отказчиков заключенных, не заслуживающих этого. Проведенный анализ положения дел в пяти ИТЛ показал, что имели место многочисленные факты, когда в разряд отказчиков зачисляли разутых, раздетых, слабосильных, инвалидов и больных заключенных, что было недопустимо.

Несмотря на принятые меры, в том числе карательного характера, с 1939 г. отказы от работы принимают массовый характер. В конце 1940 г. в Ухтежемлаге, Воркутлаге и Северных железнодорожных лагерях НКВД за нарушение лагерного режима и систематические отказы от работы были привлечены к ответственности 26 заключенных. Решением Верховного трибунала войск НКВД 21 чел. был приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрелу (приговор приведен в исполнение), пятеро осуждены на десять лет лишения свободы каждый.

В последующие годы принимались еще более жесткие меры по отношению к лицам, бегущим из мест лишения свободы. Так, 28

апреля 1941 г. в адрес народных комиссаров органов внутренних дел союзных и автономных республик и начальников УНКВД краев и областей, начальников управлений исправительно-трудовых лагерей НКВД, прокуроров республик, краев и областей, прокуроров исправительно-трудовых лагерей НКВД, председателей краевых, областных и республиканских судов был направлен совместный циркуляр НКВД, НКЮ и Прокурора СССР № 87/06/ПР/29 «Об усилении борьбы с побегами заключенных из ИТЛ»¹⁵. Побег заключенных предлагалось рассматривать как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства. Всех беглецов следовало судить по ст. 58.14 УК РСФСР, применяя к ним на основании п. 3 указа Президиума Верховного Совета СССР от 15.06.1939 г. суровые меры судебного наказания вплоть до высшей меры наказания.

Циркуляром предписывалось высшую меру наказания применять прежде всего в отношении контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других особо опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег¹⁶. Следствие о побегах начальникам оперативных отделов надлежало проводить в течение 10–15 дней, прокурорам передавать дело в суд в пятидневный срок. Начальники лагерей обязывались все приговоры лагерных судов с осуждением за побег объявлять заключенным лагеря. За период с 15 июня 1939 г. по 29 апреля 1940 г. по всем исправительно-трудовым лагерям было осуждено 4033 чел., к высшей мере наказания – 201, из них расстреляно 56.

В связи с вышеизложенным хочется не согласиться с мнением А. И. Солженицына, писавшего, что «политическим за побег давали новую десятку по 58-й же статье (постепенно нащупали было, что лучше всего тут давать по 58.14 (контрреволюционный саботаж)). Вора, правда, давали 82-ю статью (чистый побег) и всего два года»¹⁷. Последних также судили по ст. 58.14, и благодаря этому в период реабилитации они приобрели статус политических с вытекающими последствиями.

Таким образом, можно констатировать, что непосредственно перед началом войны за побег из мест лишения свободы стали применяться самые суровые меры наказания, и это позволило стабилизировать обстановку в местах лишения свободы.

Среди других форм протестных действий заключенных следует выделить симуляцию

и членовредительство, продажу и даже умышленное уничтожение предметов вещевого довольствия, организацию голодовок. Однако, как показало исследование, в

1930-х гг. в качестве основной формы протеста против условий исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы служили побеги заключенных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: ГУЛАГ: 1918–1960. М., 2002. С. 454.
² См.: Кузьмин С. И., Якушина Е. С. Аналитическая справка по истории развития исправительно-трудовых учреждений в Советском государстве (1917–1953 гг.). Руза, 2014. С. 60.
³ См.: Архив Карагандинского ИТЛ. 1937. Д. 1. Л. 96.
⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956 гг. Опыт художественного исследования. М., 1989. Т. 1. С. 44.
⁵ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 1. Л. 5.
⁶ См.: О премировании работников железнодорожного строительства : приказ НКВД СССР от 25.09.1938 г. № 0421.
⁷ См.: Жусенин Н. Берия // Неделя. 1988. № 8. С. 11–12.
⁸ См.: Архив Карагандинского ИТЛ. Дело Просторинского отделения. 1938. Л. 3–6.
⁹ См.: Там же.
¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2989. Л. 46–22.
¹¹ См.: Там же. Ф. Р-7523. Оп. 67. Д. 2. Л. 12.
¹² См.: ГУЛАГ: 1918–1960. Документы. М., 2002. С. 116.
¹³ См.: Об усилении борьбы с побегами и нарушениями лагерного режима : циркуляр 3-го отдела ГУЛАГа от 31.07.1939 г. № 148. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1363780599.pdf> (дата обращения: 01.02.2017).
¹⁴ Объявления приговора Куйбышевского областного суда по делу злостность отказчика от работ Железняк П. Т : приказания по ГУЛАГ от 29.08.1939 г. № 315 // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 24. Л. 80–82; Об осуждении заключенных за злостные отказы от работы и членовредительство : приказ НКВД СССР от 31.10.1939 г. № 721 // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 48. Л. 245.
¹⁵ См.: Там же. Д. 107. Л. 80.
¹⁶ См.: ГА Республики Латвии. Ф. 1221с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 16.
¹⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956 гг. Опыт художественного исследования. Т. 1.

- ¹ См.: ГУЛАГ: 1918–1960. М., 2002. С. 454.
² См.: Kuz'min S. I., Jakushina E. S. Analiticheskaja spravka po istorii razvitiya ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij v Sovetskom gosudarstve (1917–1953 gg.). Ruza, 2014. S. 60.
³ См.: Arhiv Karagandinskogo ITL. 1937. D. 1. L. 96.
⁴ Solzhenicyn A. I. Arhipelag GULAG: 1918–1956 gg. Opyt hudozhestvennogo issledovaniya. M., 1989. T. 1. S. 44.
⁵ GARF. F. 7523. Op. 67. D. 1. L. 5.
⁶ См.: О премировании работников железнодорожного строительства : приказ НКВД СССР от 25.09.1938 г. № 0421.
⁷ См.: Zhusenin N. Berija // Nedelja. 1988. № 8. S. 11–12.
⁸ См.: Arhiv Karagandinskogo ITL. Delo Prostorinskogo otdelenija. 1938. L. 3–6.
⁹ См.: Там же.
¹⁰ См.: GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 2989. L. 46–22.
¹¹ См.: Там же. F. R-7523. Op. 67. D. 2. L. 12.
¹² См.: ГУЛАГ: 1918–1960. Dokumenty. M., 2002. S. 116.
¹³ См.: Ob usilenii bor'by s pobegami i narushenijami lagernogo rezhima : cirkuljar 3-go otdela GULAGA ot 31.07.1939 g. № 148. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1363780599.pdf> (data obrashhenija: 01.02.2017).
¹⁴ Ob#javlenija prigovora Kujbyshevskogo oblastnogo suda po delu zlostnost' otkazchika ot rabot Zheleznyaka P. T : prikazanija po GULAG ot 29.08.1939 g. № 315 // GA RF. F. R-9414. Op. 1. D. 24. L. 80–82; Ob osuzhdenii zakljuchennyh za zlostnye otkazy ot raboty i chlenovreditel'stvo : prikaz NKVD SSSR ot 31.10.1939 g. № 721 // GA RF. F. R-9401. Op. 1a. D. 48. L. 245.
¹⁵ См.: Там же. Д. 107. Л. 80.
¹⁶ См.: ГА Республики Латвии. Ф. 1221с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 16.
¹⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956 гг. Опыт художественного исследования. Т. 1.

УДК 343.6

Ответственность за нанесение побоев в действующем законодательстве: небесспорные положения федерального закона от 07.02.2017 г. № 8-ФЗ

Л. Л. КРУГЛИКОВ – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

А. Л. САНТАШОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности за нанесение побоев в связи с недавними изменениями уголовного и административного законодательства; на основе критического анализа действующей редакции ст. 116 УК РФ делается вывод об отсутствии в статье подразумеваемой административной преюдиции, как это предусмотрено в ст. 116.1 УК РФ.

Ключевые слова: побои; дифференциация ответственности; административная преюдиция; несовершеннолетние; близкие родственники и близкие лица.